

В. И. Цинциус

МОНГОЛИЗМЫ-ДУБЛЕТЫ В МАНЬЧЖУРСКОМ ЯЗЫКЕ

Тесные связи маньчжурского языка с монгольскими давно уже привлекали внимание исследователей этих языков. В частности, сорок лет назад вышла в свет посвященная данной проблеме работа Г. Д. Санжеева, которая до сих пор сохраняет свое значение [3]. В ней не только приводится обширный перечень общих для маньчжурского и монгольских языков слов, большей частью заимствованных первым из вторых, но имеется также ряд интересных высказываний относительно соответствий, наблюдаемых в этих языках в области фонетики и грамматики.

Исходя из положения о генетическом родстве тунгусо-маньчжурских и монгольских языков и имея в виду, "что маньчжуро-монгольские соответствия подразделяются на элементы общего образования и заимствования от одного языка к другому" [3, 614], мы хотели бы обратить специальное внимание на наличие в маньчжурском языке монголизмов-дублетов. Эти последние выступают в виде фонетических, морфологических или семантических вариантов лексем либо по отношению к исконным маньчжурским словам, восходящим как и монголизм-заимствование к общему источнику, либо являются для маньчжурского языка разновременными заимствованиями и, возможно, из разных монгольских языков или диалектов.

Прежде чем перейти к рассмотрению интересующих нас примеров, необходимо напомнить, что при заимствовании уст-

ным путем фонетический облик слова, как правило, подчиняется нормам заимствующего языка (диалекта, говора). Таким образом, выделить заимствованное слово не всегда легко. Это особенно затруднительно при сходстве фонетического строя контактирующих языков, что как раз относится к маньчжурскому и монгольскому языкам. Здесь на помощь приходит учет исторически сложившихся и проявивших себя закономерностей развития звукового облика слов в этих языках. Это обстоятельство чрезвычайно важно иметь в виду также и при анализе дублетов, как это мы постараемся показать ниже.

Для маньчжурского языка, как члена тунгусо-маньчжурской языковой общности, весьма характерно специфическое фонетическое развитие некоторых сочетаний двух согласных в срединной позиции в слове. Сюда относится прежде всего подмеченное уже более ста лет тому назад развитие т.-маньчж. **-rɨ-* > маньчж. *-ṣ-(-чж-)* [4, 10] и, соответственно, т.-маньчж. *-rk-* > маньчж. *-ч-*; позднее установленное также для ульчского языка [9] и как последующая ступень этой фонетической эволюции, для орокского *-d-* **-ṣ-* < **-rɨ-* [5, 230, 236-237]. В ряде других тунгусо-маньчжурских языков, за исключением эвенкийского и эвенского, сочетание *-rɨ-* (*-rk-*) также подверглось различным фонетическим видоизменениям [5], тогда как в монгольских языках комплекс *-rɨ-* сохранился.

Именно такой регулярный ряд соответствий – эвенк., эвен. *-rɨ-*, сол. *-rɨ- ~ -rɨ-*, нан. *-йг-*, орок. *-d-* (< *-ṣ-*), маньчж. *-ṣ-//* монг. *-rɨ-* – мы имеем в широко представленных в тунгусо-маньчжурских и монгольских языках названиях растений, зарослей лиственного леса, тополя, ивы, тальника, ср.: эвенк. вост. *бурган ~ бургак* ‘заросли тополя’, ‘кустарник’, ‘лес’, ‘роща’, ‘ельник’ (на пойме – заливном берегу), полуострове, острове, отмели); эвен. *бургаḡ ~ бургаḡкаḡ* ‘заросли тополя, ивы’ (на берегу реки, озера, на острове), ‘лиственный лес’; *бургаḡ* ‘есть листья (тополя) ивы’ (об олене, лосе); сол. *бурга̄ ~ бурга̄* ‘тальник’; *бхрган ив* ‘роща’ [2];

бурга ив 'заросли тополя', 'лиственный лес' (на берегу реки, озера); нан. *бойга мѳни бик* 'тальник'; орок. *буда* 'заросли ивы'; *будан ду* 'пастбище весеннее около реки'; маньчж. *бу́ан* (*бучжан*) 'лес (роща) на равнине'; *бу́ан шумин* 'густой (дремучий) лес'; *бу́ан фисин* 'густой (глухой, непроходимый) лес'; *бу́анту улхума* 'лесной фазан' // п.-монг. *вурҕасун*, монг. *бургаас(ан)* 'ивняк', 'тальник', 'прут'; бур. *бургааһа(н)* 'кустарник', 'прут', 'лоза'; п.-монг. *вурҕасунда-*; монг. *бургаасда-*, бур. *бургааһада-* 'бить прутом'.

Но в маньчжурском языке помимо приведенной выше формы интересующего нас слова *бу́ан* имеется дублетная разновидность *бурҕа* ~ *бурҕа*, *бурҕасу*, где сочетание *-ри-* и наличие собирательного суффикса *-су* служат доказательством вторичного заимствования из монгольского языка, причем значение дублета несколько иное, ср.: маньчж. *бурга*, *бурҕасу* 'мелкий ивняк', 'тальник' (растущий по берегам рек и островам и употребляемый для плетней и стенок юрты), 'тонкие вершины деревьев', 'прутья', 'хворост'; *бурга фурги* 'связка прутьев ивняка', 'фашинник', 'метла из прутьев'. Представляет интерес также сопоставление маньчж. *бурга засэ* ист. 'плетневая ограда', 'пограничный часток, условно отделявший Маньчжурию от Монголии' и п.-монг. *вурҕасун хашија* 'ивовый плетень'.

Таким образом, общая для тунгусо-маньчжурских и монгольских языков корневая праформа интересующего нас слова выступает в виде **бурга-* → маньчж. *бу́а-н*, тогда как маньчж. *бурга-су* < монг. является дублетом. Но имеется и иное толкование маньчжурских вариантов этого слова. Г. Дёрфер, например, полагает, что вообще в тунгусо-маньчжурских языках это слово является заимствованием из монгольских языков, причем маньчжурским языком оно заимствовалось дважды, так как более раннее успело пройти на маньчжурской почве развитие **бурга* > *бу́а-н*, а второе проникло в тот период, когда в маньчжурском языке уже перестала действовать фонетическая закономерность изменения сочетания согласных *-ри* → *э* [6, 225]. Г. Дёрфер не приводит каких-либо специаль-

ных доказательств в пользу высказанного им мнения о том, что во всех тунгусо-маньчжурских языках это слово является монголизмом, и не затрагивает вопроса о различиях его морфологической структуры в тунгусо-маньчжурских и монгольских языках, если не считать того, что им приводится очень интересная форма западного среднемонгольского языка *virgāt*, которую он трактует как форму множественного числа от *virgāsun* ~ *virgan*. Вместе с тем надо обратить внимание на то, что если монгольским языкам в этом слове свойственен суффикс **-сун > сан ~ хан* и т.д., то в тунгусо-маньчжурских языках отмечается либо суффикс **-г > -γ ~ -х* (как это видно по данным эвенского, солонского и, частично, эвенкийского языков), либо в преобладающем большинстве случаев, суффикс *-н*. Как т.-маньч. суффикс *-г*, так и монг. суффикс *-сун* являются показателями собирательно-совокупной семантики слова, тогда как суффиксы *-т ~ -д* и *-н* на монгольской почве выступают как показатели множественного числа, причем последний (т.е. суффикс *-н*) присоединялся к основам с конечным *-и* или с конечными дифтонгами на *-и*. Это обстоятельство необходимо учитывать, если на базе фонеморфологического анализа рассматриваемого слова попытаться более тщательно реконструировать праформу его основы. Кстати, следует отметить также, что в бур. *бургаа-хан* и монг. *бургаа-сан* конечный гласный основы – долгий, по-видимому, в результате утраты интервокального **-г-*, и, следовательно, мы в праве предполагать праформу **бурга-гā-сун*, тогда как долгота гласного конечного слога в солонском варианте позволяет прибавить еще одну деталь в восстанавливаемом архетипе, а именно: сол. *бурга̄ < бургā < *бургāн < *бургагāн < *бурга-гāи-(н)*.

Морфологический облик реконструированной формы единственного числа **бурга-гāи* допускает предположение о ее отглагольном происхождении, поскольку в монгольском языке имелся имперфектный суффикс *-гāи- (-гēи)*, при помощи которого образуется также отглагольное имя со значе-

300

нием качества как результата действия. В монгольских языках имеется глагол *бурга-* 'падать', 'порошить' (о снеге), ср. як. *бурга-* 'подниматься' (о пыли, тумане), 'поднимать' (пыль), 'развевать', 'разметывать'. Имея в виду строение семян растений семейства ивовых (куда входит и тополь), можно предположить, что рассеиваемые ветром летучки с хохолками-пушинками и послужили основанием для наименования зарослей этих кустарников и деревьев: **-бурга-гаи* 'развеваящий пушинки'; ср. як. *бурзан* 'белый налет на тальниковых прутьях', маньчж. *бурза-ша-* 'носиться', 'растлаться' (о дыме, паре, пыли), 'уносить', 'сдувать' (ветром).

С другой стороны, к этимологии монгольского и тунгусо-маньчжурского слова *бурга-гаи как отглагольного имени от основы **бурга-*, вероятно интересно привлечь и тюркские данные, а именно: тур. *vir-* 'крутить', 'вертеть', 'вить'; *vurgacik* 'кривой', 'скрученный', тат. *бор-*, *боргала-* (многокр.) 'крутить', 'вертеть'; *боргалан-* 'извиваться', 'вертеться'. В последнем случае названия ивовых или тополевых зарослей первоначально могли бы обозначать либо густые (переплетенные, перепутанные) кустарники, побеги, либо, в связи с их использованием для плетения, то, что служит материалом для витья.

Второй пример дублетных форм связан с наименованиями, обозначающими "хвост" "подхвостник" (ремень, идущий от седла под хвостом у лошади). В данном случае маньчж. *хударзан* ~ *худархан* 'подхвостник' безусловно выступает как заимствование-дублет из монгольских языков; ср.: п.-монг. *qudirqa*, монг. *худрага*, бур. *хударга* 'подхвостник'.

Но эти монгольские параллели в свою очередь ведут нас к тюркским языкам, где слова с аналогичной морфологической структурой большей частью обозначают "хвост", "курдюк", "зад", "задняя часть чего-либо", "корма", "руль"; ср.: др.-тюрк. *qudruq* ~ *qudiruq* ~ *qudruq* 'хвост', 'зад', 'задняя часть чего-либо'; *qudisaq* 'копчик'; *qudursuq* 'основание хвоста', 'репица'; *qudiruqun* 'подхвостник', *qudiruqaq* ~ *qudiruqaq* 'удли-

пешный сзади подол широкого халата»; тур. *kuyruk* 'хвост', 'придаток', 'конец', 'наружный угол глаза'; *kuskun* 'подхвостник'; туркм. *куйрук* 'хвост', 'курдюк', 'конец', 'прихвостень'; таг. *койрук* 'хвост', 'курдюк', 'корма' (у лодки, судна), 'руль', 'зад', 'задняя часть чего-л', 'охвостье' (при молотье, веянии, 'прихвостень'; тув. *кудурук* 'хвост', 'курдюк', 'охвостье'; *куоурга* (< монг.) 'подхвостник'; як. *кутурук* 'хвост', 'корма' (лодки, судна), 'руль', 'кормовое весло'; *кудурзан* (< монг.) 'подбрюшник'; чув. *хуре* ~ *хёвре* 'хвост', 'руль' [1, 313; 8, 296-297].

Что касается тунгусо-маньчжурских языков, то общее для них слово "хвост" восходит к праформе **хургу* ~ **кургу*; ср.: нан. *хуйгу*, ульч. *хузу*, орок. *худу*, маньчж. *унчээн* ~ *унчэин* // эвенк. *ирн*, эвен. *ирэ*, сол. *ирн* ~ *игги*, нег. *иги* ~ *йги* ~ *ндн*, ороц. *иги*, уд. *иги* 'хвост'. Следует отметить, что вместо маньчж. *унчээн* ожидалась форма **узу* (*учжу*); ср.: ульч. *хузу* 'хвост', но маньчж. *узу* (*учжу*) означает "голова".

Отклонения от развития *-рi->-э-* наблюдаются и в других случаях, например, в эвенк., эвен. *эйиргэ* 'щипцы', 'кузнечные клещи'; нег. *эйгэ* ~ *эйудгэ*; нан., уд. *эугэ*; ульч. *энээ*; орок. *мудэ*; где в ульчском и орокском языках также в середине слова появился носовой согласный *н*.

Мы считаем, что тунгусо-маньчжурская праформа **хургу* ~ **кургу* восходит к общему для тюрко-монгольских языков архетипу **кудурга* ~ **кудуруг*, несмотря на разницу в количестве слогов и состав гласных (в тунгусо-маньчжурских языках они мягкорядные). Тем более, что мы уже располагаем убедительно обоснованными выводами из анализа аналогичных по структуре тунгусо-маньчжурских и монголо-тюркских параллелей [7, 241-242], ср.: маньчж. *нузан* 'кулак', ороц. *нуга*, нег. *нойга*, сол. *норга*, эвенк. *нурга*, *кастрен нидурга* (< монг.) // п.-монг. *нидурга*, монг. *нударга(н)*, бур. *нюдурга(н)* < **н'удурга* 'кулак' // др.-тюрк. *judruq* 'кулак', *judruq-lan-* 'сжимать кулаки', тат. *йодрык*, башк. *йозроқ*, алт. *дзудрук*, тув. *чуоурук*, як. *сутурук* 'кулак' [8, 209-210].

При сопоставлении фономорфологических линий развития приведенных слов "хвост" и "кулак", сконцентрировав внимание на интересующих нас в данном случае "узловых" формах, мы получаем два весьма выразительных параллельных ряда:

архетип	п.-монг.	др.-тюрк.	як.	эвенк.	ульч, маньчж.
---------	----------	-----------	-----	--------	------------------

'хвост': *кудурга *кудурга* *кудрук* *кутурук* *ирги* *хузу*

'кулак': *нудурга *нидурга* *йудрук* *сутурук* *нурга* *нузан*

Если в качестве возможной формы отражения архетипа *кудурга принять маньчж. *унчээн* 'хвост' (см. выше), то маньч. *кударган* *кудархан* (<монг.) 'подхвостник', помимо того, что эти два слова выступают как фонетические варианты, могут считаться дублетами относительно маньчж. *унчээн*. Кстати отметим, что и в эвенкийском языке в качестве дублетов выступают эвенк. *ирги* 'хвост' эвенк. нерч. *кастрен* *кудурга* (<монг.) 'подхвостник', с одной стороны, и, с другой, эвенк. вост. *кутурук* (<як.) 'хвост'. Кроме того, принимая во внимание, что в ряде языков алтайской группы слово "хвост" одновременно служит для обозначения кормы лодки или судна и руля (см. выше), мы можем указать как на возможный вариант развития этого слова на следующие слова: маньчж. *худэ* 'задняя часть судна', 'корма', 'руль', *худэ* *эйфа* = *унчээн туванчихяку* *эйфа* - 'браться за руль', 'править рулем'; нан. *кудэ*, *кудэку* 'руль', *кудэ-*, *кудэчи-* 'править рулем', *кудэмэй*, *кудэчимэй* 'рулевой'.

Приведем третий пример монгольских заимствований-дублетов в маньчжурском языке, которые могут быть выявлены при анализе лексики, группирующейся в гнезде слов со значением "рот". В тунгусо-маньчжурских языках существительное "рот" представлено следующими формами: эвенк., эвен., нег., орок., нан. *амна*; сол., ороц. *амма*; уд., ульч., нан. *аңма*; маньчж. *аңга* < *амңа < *амга < *амага.

Таким образом, маньчжурская форма *аңга* характеризуется соответствием согласных *-чг-// -мң-*, что находит се-

бе подтверждение в ряде других лексических параллелей тунгусо-маньчжурских языков с аналогичным сочетанием согласных в середине слова, ср.: эвенк., нег. *омцо-* 'забыть'; эвен. *омца-*; сол., орок. *оммо-*; уд. *оцмо-*; орок., нан. *омго-*; нан. *омбо-*; маньчж. *оңзо- id.*; эвенк., эвен., нег. *чимнэ-*; сол. *ниңэ-*; орок. *нунбэ-*; нан. *луңбэ*; маньчж. *нуңзэн-* 'проглотить'.

В монгольских языках слово "рот" передается формами: п.-монг. *атап*, монг. *ама(н)*, бур. *ама(н)* и т.д. И в маньчжурском, и в монгольских языках от приведенных выше существительных со значением "рот" имеются производные лексемы, например, глагол: п.-монг. *амса-*, монг. *ам-са-*, бур. *ам-са-ам-һа-* 'пробовать', 'отведывать'; п.-монг. *амсагула-*, монг. *ам-суула-*, бур. *ам-суул-* (побуд.) 'давать пробовать', 'потчевать', 'угощать', ср.: маньчж. *аңза-си-бу-* 'дать отведать' (побудит. от **аңза-си-* 'отведать').

Вместе с тем в маньчжурском языке имеются монголизмы, которые распознаются по форме корневой морфемы **ам(а)* и по характеру остальных морфем, например: маньчж. *амсу* ист. 'яства, подававшиеся на стол государю'; *амсун* 'жертвенные приношения', 'снеди, яства и вино'; *амсун* и *йали* 'жертвенное мясо'; *амсун* и *эйку* 'всякий хлеб в зерне', 'жертвенные хлебы'; *амсун* и *йака* 'разные жертвенные вещи', *амсула-* 'вкусать' // п.-монг. *атун-сун*; монг. *амас*; бур. (уст.) *ам-һа(н)* (уст.) 'каша'; бур. также название кушанья, приготовлявшегося из молока и зерен (и еще ранее — из семян и корней растений); краюшка черного хлеба, помазанная топленным маслом.

Л и т е р а т у р а

1. Егоров В.Г., Этимологический словарь чувашского языка, Чебоксары, 1964.
2. Ивановский А.О., Образцы солонского и дахурского языков, — «Manjurica», I, СПб., 1894.
3. Санжеев Г.Д., Маньчжуро-монгольские языковые параллели, — «Известия АН СССР, отделение гуманитарных наук», сер... VII, № 8, 9.

4. Шифнер А., Предисловие к: Castren M. A., Grundzüge einer tungusischen Sprachlehre, СПб., 1856.
5. Цинциус В.И., Сравнительная фонетика тунгусо-маньчжурских языков, Л., 1949.
6. Doerfer G., Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen, Bd I, Wiesbaden, 1963.
7. Ligeti L., Les anciens éléments mongols dans le mandchou, АО, t. X, fasc. 3, 1960.
8. Räsänen M., Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türk Sprachen, Helsinki, 1969.
9. Schmidt P., The language of the Olchas, - «Acta Universitatis Latviensis», VIII, Riga, 1923.

Условные сокращения названий языков

алт.	— алтайский
башк.	— башкирский
бур.	— бурятский
др.-тюрк.	— древнетюркский
маньчж.	— маньчжурский
монг.	— монгольский
нан.	— нанайский
нег.	— негидальский
орок.	— орокский
ороч.	— ороцкий
п.-монг.	— протомонгольский
сол.	— солонский
тат.	— татарский
т.-маньчж.	— тунгусо-маньчжурский
тув.	— тувинский
тур.	— турецкий
уд.	— удэйский (удэгейский)
ульч.	— ульчский
эвен.	— эвенский
эвенк.	— эвенкийский
як.	— якутский